

УДК 811.161.1

*Е.А. Краснова***ЕСЛИ-ВЫСКАЗЫВАНИЯ: ТРАГИЗМ И СИЛА ДУХА
(О ТЕКСТОВЫХ ФУНКЦИЯХ СОЮЗА «ЕСЛИ» В ТРИЛОГИИ В. АКСЕНОВА
«МОСКОВСКАЯ САГА»)**

Статья посвящена исследованию текстовых функций подчинительного союза ЕСЛИ. Работа выполнена в русле антропоцентрической парадигмы. Союз рассматривается в качестве одного из средств кодирования и декодирования художественных смыслов. Материалом исследования выбран текст трилогии В. Аксенова «Московская сага», насыщенный условными конструкциями. Повествование о неоднозначной и во многом трагичной эпохе отечественной истории, изломанных людских судьбах органично сочетается с семантикой союза ЕСЛИ как сигнала прямой обусловленности в языке. В основу работы положено предположение, что условный союз ЕСЛИ в авторском употреблении может стать значимой художественной деталью – одним из средств типизации, материализации авторской идеи и авторского отношения, выразительности и создания читательского впечатления. В трилогии условный союз становится маркером трагизма жизненных ситуаций, трудного морального выбора, нравственной силы и духовных устоев героев. Условные конструкции выполняют две основные художественные функции: изобразительно-характерологическую и экспрессивную. Первая заключается в создании значимых деталей эпохи и образов ее представителей. Вторая – в способности высказываний с условным значением выступать в качестве изобразительно-выразительного средства, формирующего воздействующую силу речи. Предложения прямой обусловленности в текстовой ткани романа «Московская сага» как бы раздвигают свои потенциальные языковые возможности в соответствии с авторскими интенциями и потребностями охарактеризовать историческое время. Дальнейшие исследования союзных высказываний способны внести свой вклад в развитие нового направления языкознания – антропоцентрического функционально-коммуникативного анализа слов служебного характера в аспекте их текстовой системы.

Ключевые слова: функционально-прагматическое исследование, высказывания со значением условия, условный подчинительный союз ЕСЛИ, тестовые функции служебных слов, идиостиль В. Аксенова.

Несмотря на обилие специальной литературы по языковому анализу союзов обусловленности и синтаксических конструкций с ними (А.К. Жолковский, А. Вежбицка, М.В. Ляпон, Е.В. Падучева, Е.Э. Разлогова, В.З. Санников, Е.В. Урысон и др.), их текстовый аспект до сих пор не попадал в поле зрения исследователей и пока представляет собой «terra incognita». Наши первые опыты соприкосновения с художественной ролью сложноподчиненных предложений прямой обусловленности намечают широкие горизонты их функционирования [2; 9].

Настоящая статья – попытка выявить функциональные художественные возможности высказываний с основным союзом семантической группы обусловленности ЕСЛИ при изображении неоднозначной и во многом трагичной эпохи отечественной истории 20–50-х годов прошлого века.

Методологическими ориентирами в работе служат две действующие ныне исследовательские парадигмы – структурно-семантическая и антропоцентрическая с ее учением о функционализме (А.В. Бондарко, С.Г. Ильенко, М.А. Шелякин, Г.А. Золотова, Н.К. Ониненко, М.Ю. Сидорова и др.).

Следует оговориться, что почти все единичные речевые знаки, и условные высказывания в том числе, – всего лишь детали литературного произведения. Но детали детали рознь, их художественная роль весьма различна. Сложные предложения со значением обусловленности особенно важны как в языке, так и в художественной речи, поскольку вся человеческая жизнь пронизана отношениями зависимости многообразного характера: от социально-политических до семейно-житейских.

Роман «Московская сага» посвящен трагическим людским судьбам, изломанным историческими условиями. Этим, очевидно, объясняется и частотность употребления условных конструкций, и их значимость в художественном тексте В. Аксенова. В центре трилогии – история семьи Градовых, поначалу счастливо живущих в родовом гнезде зеленого Подмосковья – на даче в Серебряном Бору. Борис Никитич Градов – уважаемый профессор, хирург с золотыми руками, один из самых авторитетных докторов Москвы. Его любимая жена Мэри Вахтанговна – грузинка по национальности, музыкант. У них трое взрослых детей: два сына – Никита и Кирилл и дочь Нина. По всей семье катком прокатит тяжелая машина репрессий. Основной вопрос будет в том, как человек воспринимает удары судьбы: ломается, смиряется или, по возможности, борется.

Первым под жернова эпохи попал Никита Градов – военный комбриг, энергичный, деловой, дисциплинированный «человек исключительной честности и гордости», как говорил о нем его друг офицер Вуйнович. Его забрали, когда он служил начальником оперативного отдела у командующего Дальневосточной армией маршала Блюхера. Арестовали Никиту именно поэтому, инкриминируя ему сотрудничество с «врагом партии и народа бывшим маршалом Блюхером».

«Возвращаюсь насовсем детьми. Никита кажется Москве. Целую плачу. Вероника» – скупое сообщает в телеграмме жена семье мужа. «Должны понять, что произошло, **если** не знают». «Мэричка, – шептала она, приехав, – **если** бы ты видела эти лица, эти чудовищные хари...».

Кирилл с уверенностью высказался: «Никита будет оправдан <...> Никиту освободят».

– **Если** он, конечно, невиновен, – вдруг произнесла Цецилия.

– Ты говоришь «**если**», Циля? Что это значит? Что значит в твоих устах слово «невиновен»? Ты не очумела, дорогая подруга?

Это «**если**» – маркер недоверия. Экспрессивная реакция в устах золовки, ее эмоции, оценки, интенсивные душевные волнения, наконец, стилистическая составляющая – вполне понятны и оправданы. Словосочетание «дорогая подруга» в этом контексте ставит под большое сомнение его прямой смысл. Что совсем странно, более мягкий и человечный муж Цецилии Кирилл после слов жены тоже едва ли не засомневался в родном брате. «**Если** оторваться от классовых позиций, то, что сейчас говорит его жена, звучит просто чудовищно, но с классовых позиций, с партийной точки зрения она совершенно права, и не он ли сам всегда замечал за братом явный, скажем так, недостаток идейности». Никита сказал бы: «И ты, Брут!»

Жизнь накажет подкованную марксистку за ее бестактность, идеологическую зашоренность и слепоту к реалиям времени. Виновным теперь будет объявлен Кирилл. Раздастся телефонный звонок: «Циля, у них есть ордер на мой арест».

«Она испустила низкий, животный, начавшийся будто в самых низах тела вопль и сползла со стула на пол». На общем партийном собрании института секретарь парткома Репа призывал одобрить арест их бывшего члена ученого совета Кирилла Градова и «осудить вражескую деятельность этого человека, прокравшегося по заданию антисоветских подрывных центров в наш...». «Тут вдруг произошла заминка. Репа хотел сказать "в наш здоровый коллектив", но вовремя схватил себя за язык: какой же он "здоровый", этот коллектив, **если** седьмого уже за два месяца провожаем?» Подобные собрания в учреждениях стали чем-то вроде ритуала, ораторы говорили о провожаемом «с теплотой, накаленной до ненависти».

На собрании все ждали выступления жены по отмежеванию от врага народа К.Б. Градова. «- Я всегда знала Градова как бескомпромиссного проводника генеральной линии партии, как верного ленинца, несокрушимого сталинца. <...> Я убедительно прошу руководство НКВД пересмотреть свое решение об аресте Кирилла Градова, ну, а уж **если** этот пересмотр не принесет желаемых мной результатов... тогда... Тогда пусть берут и меня! Мы с ним – одно!» За этот жест отчаяния и нежелание мириться с несправедливостью Циле объявят строгий выговор, но она будет писать одну за другой докладные записки в ЦК партии, объясняя, как правильно Кирилл толковал различные установки генеральной линии.

И узнала Циля, каково стоять в очереди к заветному окошку, принимающему передачи с едой и теплыми вещами среди «непомерного скопища родственников врагов народа». Но убеждения ее незыблемы: «Ведь не могли же наши органы совершить столько ошибок, как в случае с Кириллом». Ее-то муж, конечно, не виноват. Посылку Цили не приняли, как не принимали для всех, кто осужден «без права переписки».

– Они все расстреляны! – раздался безжалостный женский голос. – Бросьте ваши надежды.

– Ну что вы несете?! – вспыхнула Циля <...> – Кто это вас такой вонючей информацией снабжает? **Если** кто-то осужден с лишением права переписки, это только то и означает, что ему не разрешается переписываться, и больше ничего!

Теперь уже Циля сыплет экспрессивными языковыми знаками, защищая Градова-младшего, забыв, как несправедлива была к старшему. «Какое было бы счастье, **если** бы дело Кирилла когда-нибудь дошло до него (Сталина. – Е.К.), и он отменил бы позорный приговор», – наивно думала она. «Мы вместе с моим любимым отправились бы на фронт». А сейчас «он, ее единственный свет в окне, ее мальчик, как она всегда его мысленно называла, не вполне существует, **если** не...» Это недосказанное «**если** не...» было невыносимо словесно оформить даже мысленно, признав возможность самого страшного, о чем говорили женщины в очереди.

– Почему они не принимают посылки, Надя? – спросила Циля, рыдая.

– Эх, Циля, может быть, просто не знают, где эти люди. Не удивлюсь, **если** у них там такой же бардак, как везде.

Пройдет... больше 10 лет. Жена приедет в Магадан разделить участь мужа-вольнопоселенца.

– Кирилл, мой любимый, **если** бы ты знал, сколько мук я перенесла..!

В первые минуты он не узнает в неуклюжей старухе свою Цилю. Да и сам он стал немногим лучше: «давно уже не удивлялся, **если** на улице к нему обращались с криком "эй, отец!"».

Вскоре грянул второй арест: «Давай подписывай все заново, ты же опытный, знаешь, что будет, **если** сразу не подпишешь».

Никита Градов проведет на каторге 4 года. Но каких! Сильному гордому человеку, привыкшему не просто командовать, а отвечать за людей и настоящее дело, будет труднее, нежели многим другим, от унижений, бессилия, напрасно прожитых лет. Моральные унижения и изматывающий голод, вечно изнуряющий холод, непроходимая усталость от непосильного физического труда неотвратимо превращали людей в «доходяг», следующей ступенью существования которых могла быть только «лагерная пыль». Заключенные с раннего утра до позднего вечера таскали тачки с породой из темных шахт на поверхность земли. Каторжное существование лишало последних жизненных сил, доводило до животного состояния и безразличного отупения, когда не хотелось вспоминать даже о счастливых днях в родительском гнезде.

Привычный «подъем и выход на работу в полной темноте не предвещали ничего, кроме обычного мутного, пуржистого, пронизывающе холодного, сугубо тюремного колымского дня, и вдруг на третьей ходке с верхнего уровня карьера открылись рафинадные дали «чудной планеты», густые и синие, как оберточная бумага, тени, таежная щетина распадков, огромное небо первобытной земли. Под таким небом, **если** отвлечься от омерзительного зрелища каторжного карьера, можно было забыть о человеческой истории, то есть почувствовать себя свободным. <...> **Если** меня еще посещают такие мысли, значит, еще держусь, подумал он. С некоторых пор он стал себя наблюдать как бы со стороны, к любому проявлению своей личности и своего тела прикладывая эту формулу: "**если** еще... значит, еще...". «**Если** еще иной раз посещали его на нарах <...> видения ласкающей Вероники <...>, значит, еще жив». «**Если** хватало воли утром выскочить из барака, сбросить телогрейку, растереться снегом, значит, еще жив». «**Если** после смены возле печурки вместо того, чтобы бухнуться и отключиться, влезал в спор досужих философов о полном кризисе позитивизма, значит, еще и на самом деле жив». Это спасительное заклинание по капельке заменяло тупую безнадежность лучиком спасительной надежды.

В один из бесконечных колымских дней Никита чувствовал себя особенно усталым и разбитым, почти полностью устраненным с лица земли. «**Если** уж я так устаю на третьей ходке, уныло подумал Никита, но не додумал: солнце вдруг брызнуло в лицо, распахнулся простор, воздух вошел в грудь и на мгновение встряхнул весь его смерзающийся состав; усталость отлетела. "**Если** – я – еще – значит – я – еще"...» «Может быть так и пройдет сегодня вся смена, все тридцать четыре ходки, может быть, и вытяну, может быть... А **если** я еще думаю "может быть", значит, я еще...»

– Эй, Градов, стой! – вдруг сказал вохровец. – Бросай тачку! Кругом – марши!

Это было... освобождение! Война с фашисткой Германией требовала квалифицированные командные кадры. Немцы были под Москвой. «**Если** Москва падет, рухнет все, а значит, мы на многие десятилетия станем немецкой колонией». Надо действовать! «Кто же, **если** не мы, будет родину защищать»... «**Если** Бог даст, выстоим перед Гитлером».

Выстояли. Победили. И уже без Никиты. Но колымская формула-заклинание зека и будущего маршала, дважды героя Советского Союза Никиты Градова сделала свое доброе дело, подтвердив парадоксальную истину о том, что мысль может быть материальной.

Последней пощечиной роду Градовых был арест главы семьи – семидесятисемилетнего Бориса Никитича. Тучи над ним сгущались постепенно, и это понимали все. Его внука даже посещала предательская мысль: «Лучше бы его взяли в мое отсутствие. **Если** придут при мне, я наверняка не выдержу, перестреляю гадов и погублю всех, всех наших женщин и самого себя».

Профессору-медику, борцу против боли, главному автору методики анестезии Градова-Китайгородского, которая спасала раненых во время Великой отечественной войны, сотрудники НКВД все время грозят болью. Изуродовали наручниками руки хирурга, заключили в карцер, не давали спать. Попытались выбить компрометирующие показания на коллег по «делу врачей». Оскорбляли

грязными словами, самыми «приличными» из которых были *жидовский подголосок, сучий потрох, паразит трудового народа, сраный профессор*.

Но даже в таких нечеловеческих условиях ученый пытается привычно анализировать ситуацию со всех возможных позиций:

– с медицинской точки зрения (*«Распад идет быстрыми темпами, если к этому присоединить непрекращающуюся диспепсию, сильный зуд по телу, сыпь с коростой»*),

– с социальной (*«...почему все пострадавшие – евреи? Если это имеет отношение к уничтожению Еврейского антифашистского комитета, к исчезновению десятков, если не сотен еврейских интеллектуалов, не значит ли это, что теперь и медицину пытаются пристегнуть к антикосмополитической, антисемитской компании?»*),

– с семейной (*«он думал о том, как предупредить Мэри и Агашу. Они не выдержат, если я вот просто так войду в дом, они просто умрут от неожиданности»*).

Несмотря на упадок сил, Борис Никитич не боится прямо высказать в лицо следователю, что он думает об их обвинениях и методах «работы»: *«Дикое. Если угодно, дикарские...»* Чтобы выжить, не потеряв человеческий облик, глава семьи вспоминает лучшие минуты со своей женой: *«Вспоминай Мэри, даже если не вспоминается, вспоминай!»* Как молитву шепчет он себе так же, как его сын Никита в лагере «лечился» воспоминаниями о любви Вероники. Все эти текстовые «если» даже без комментариев создают облик русского интеллигента.

Как могли вынести ни в чем неповинные люди столько незаслуженных ударов судьбы? Это были люди с большой буквы, достойные, порядочные, сильные. Помогала им любовь, преданность и забота друг о друге. Никита, доведенный в заключении до крайнего физического и психологического истощения, шаг за шагом заставлял себя восстанавливаться через избранную им медитацию. Борис Никитич Градов, если можно так выразиться, побеждал умственно и духовно.

Стойкость и сила духа спасли семейный клан от отчаяния, падения, распада. Семья оказалась выше предлагаемых обстоятельств: слезки, травли, пыток, унижений, бредовых формулировок несуществующих преступлений. Союз ЕСЛИ как знак обусловленности различного рода как бы взвешивал на весах все возможности выхода из жизненных испытаний, помогал и выручал автора в создании живой картины эпохи: позорного театра абсурда и моральной победы над ним лучших представителей русского общества.

Как видим, герои Аксенова проходят через серьезные жизненные испытания. Они не могут не реагировать на вызовы окружающей их действительности. Несмотря на то, что это взрослые, уже состоявшиеся люди, к ним можно отнести высказывание профессора С.А. Голубкова: «Одной из проблем, которую решает личность в процессе своего становления, является уяснение отношений с быстроекующим временем» [5. С. 96]. Уступительные предложения – одно из активных речевых средств верификации процесса становления Личности. Через призму обусловленностей дается представление не только о судьбе и личных качествах персонажей, но и о динамике восприятия ими исторической действительности. То и другое во многом реализуется смысловыми и коннотативными приращениями к грамматическому значению предложений с союзом ЕСЛИ в контекстных условиях романа В.Аксенова и в фоновых знаниях читателя.

Цилю, воспитанную на прописных истинах учебников по марксизму, жизнь заставляет пройти несколько ипостасей «просвещения». Сначала она выражает недоверие даже к деверю – коммунисту Никите Градову. Затем яростно отрицает *«вонючую информацию»* о расстрелах невинных людей. Но едва ли не сразу ею же овладевают отчаянные сомнения относительно именно такой судьбы мужа. После вторичного срока «наказания», данного Кириллу, Циля приходит к сакраментальному мучительному вопросу *«за что, за что?»*. *«К кому же я обращаю этот вопрос, думала она. Если к ним (впервые так подумала о власти трудового народа: они)...»*. Так пунктирной, пока очень слабой перспективой намечается смена противопоставлений: с Циля ~ «враги народа» на Циля ~ «власть придержащие».

Ужасающие крамольные сомнения зарождаются даже у пока не пострадавших сотрудников Института мировой политики. *«Если придет в голову шальная мыслишка: "А вдруг и меня вот так же", немедленно она будет вытеснена резонным: "Ну, меня-то и в самом деле не за что". Ну, а если Провидение все-таки задаст ужасающий, леденящий вопрос: "А Градова-то за что, гаденыш?" – быстрым движением головы уворачиваешься от вопросов Провидения»*.

Маркер «если» в повествовании о судьбе Нины Градовой колеблется от юмористическо-ёрнического (в записке к супругу: «**если** тебя заберут раньше и в мое отсутствие, проверь, выключил ли газовую плиту и электрические приборы!») до угрозы ее племянника Градова-младшего «служебной собаке» Берии – Нугзару, похитившему для этого всесильного убийцы и сладострастника дочку Нины Елку («*Завтра в это же время [...] вы придете сюда с моей двоюродной сестрой. Если явитесь без нее, будете убиты [...]. Ну, а если с нами что-то случится, найдутся еще двое, которые за нас...*»).

Даже профессор Градов, осознавший непреодолимые силы отнюдь не медицинского свойства еще во время операции в Фрунзе, в застенках тюрьмы пополняет свои представления о политической ситуации в стране.

Отношения обусловленности помогают отражению и другого аспекта мировоззренческих изменений – обращение атеистов Градовых к религии как к возможному спасению и успокоению. Это ответ на вопрос о том, какое Добро способно противостоять Злу в обличье несправедливости, моральных и физических издевательств, тюрем, лагерей, палачей-следователей, вертухаев... Полностью принял православие, обретя в нем точку опоры, Кирилл – в начале трилогии убежденный идейный марксист. Нина после известия о смерти мужа решает:

– *Я пойду в церковь и буду молиться весь день <...> Куда же нам еще идти, если не в церковь! Если уж сейчас, после всего этого, русские в церковь не пойдут, то что же это за народ?*

В самые тяжелые минуты морального и физического насилия в тюремном заключении профессор Градов приходит к выводу: «**Если** же мука не снимается, остается только терпение, переход к другим сигналам, к святому слову. "Претерпевший же до конца спасется"». Даже Никите, когда не остается никаких сил, вдруг вспоминаются слова Маяковского: «**Если** правда, что есть ты, боже, боже мой, **если** звезд ковер тобою выткан...»

Проведенный анализ позволил выявить две основные художественные функции ЕСЛИ-высказываний в произведении В.Аксенова: изобразительно-характерологическую и экспрессивную. Изобразительно-характерологическая роль двойная: создание значимых деталей эпохи и образов ее представителей. Она свойственна если не каждому, то почти каждому ЕСЛИ-высказыванию. Экспрессивная функция – факультативна, но весьма частотна и впечатляюща, что подтверждается наличием всех составляющих категории экспрессии [20]:

- кричащие эмоции: страха, негодования, презрения, возмущения грязным миром насилия и уважение к проявлениям чистой преданной любви друг к другу сплоченного градовского семейства;
- сугубо негативные оценки глумления над невинными жертвами насилия и подозрений;
- интенсивность создаваемых характеристик исторической действительности, в частности, сцен физических пыток;
- образность представления исторического времени;
- стилистические характеристики обозначений моментов жизни, включающие самую низкую ступень вульгарного просторечия и, напротив, спасительный «юмор висельников» людей, пока не попавших под колесо истории.

К характерологической близка функция лингвоперсонологическая, поскольку любое художественное произведение пропитано позицией автора. Василию Аксенову не было еще и пяти лет, когда его родители (сначала мать, а вскоре – и отец) были арестованы и осуждены на десять лет тюрьмы и лагерей. Детский дом для детей заключенных, юность в Магадане рядом с отбывающей ссылку матерью, исковерканные судьбы репрессированных людей – определили мировосприятие писателя.

Подводя итог, скажем словами М.М. Бахтина еще раз о большой значимости маленького служебного слова ЕСЛИ: «высказывание (в данном случае с этим союзом. – Е.К.) оказывается очень сложным и многоплановым явлением, **если** рассматривать его не изолированно <...> а как звено в цепи речевого общения» [3. С. 290]. С этой концепцией известного литературоведа солидарны многие отечественные синтаксисты, каждый из которых по-своему варьирует единую по сути мысль, иллюстрируя ее на своем материале (Г.А. Золотова, С.Г. Ильенко, З.Н. Бакалова и др.). Наши наблюдения приводят к аналогичным выводам.

Предложения прямой обусловленности в текстовой ткани романа «Московская сага» как бы раздвигают свои потенциальные языковые возможности в соответствии с авторскими интенциями и потребностями охарактеризовать историческое время во всей его сложности и противоречиях: с семейными радостями и профессиональными достижениями, с одной стороны, и с социальной неспра-

ведливостью, моральными травмами и физической болью – с другой. Думается, что исследования союзных высказываний подобного рода способны внести свой вклад не только в реализацию потребности осмысления исторического пути нашей нации и ее духовных ценностей, но и в развитие нового направления языкознания – антропоцентрического функционально-коммуникативного анализа слов служебного характера в аспекте их текстовой системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакалова З.Н., Краснова Е.А. Художественная роль русских сочинительных союзов (на материале рассказов В.М. Шукшина) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 29-35.
2. Бакалова З.Н., Краснова Е.А. Союз ЕСЛИ в рассказе А. Кристи «Тайна голубого кувшина» // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 20-23.
3. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
5. Голубков С.А. Смысловые горизонты литературного текста: очерки. Самара, 2015.
6. Жолковский А.К. Лексика целесообразной деятельности // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8 / I Московский гос. пед. инст. иностранных языков. Труды института. М., 1964.
7. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
8. Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка: учебное пособие. СПб., 2009.
9. Краснова Е.А. Союз «ЕСЛИ» как маркер любви в рассказах В. Токаревой // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 4 (13). С. 27-29.
10. Краснова Е.А. Функции уступительных высказываний в художественном тексте // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 234-239.
11. Краснова Е.А. Характерологическая роль уступительных высказываний в художественном тексте // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 1-5. С. 1152-1156.
12. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.
13. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
14. Разлогова Е.Э. Эксплицитные и имплицитные пропозициональные установки в причинно-следственных и условных конструкциях // Логический анализ языка: Знание и мнение. М., 1988.
15. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.
16. Сигал К.Я. К вопросу о семантике и номинативной ценности сочинительных конструкций в тексте // Общеобразовательные дисциплины и язык специальности в профессиональной подготовке национальных кадров на начальном этапе обучения в вузе. Сб. научных трудов. М.: 2000. С. 268-271.
17. Сигал К.Я. Сочинительные конструкции в тексте: опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения). М.: Гуманитарий, 2004.
18. Урысон Е.В. Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания. М., 2011.
19. Урысон Е.В. Союз ЕСЛИ и семантические примитивы // Вопросы языкознания. 2001. № 4.
20. Шаховский В.И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантических категорий лингвостилистики // Проблемы семасиологии и лингвостилистики. Вып. 2. Рязань, 1975.

Поступила в редакцию 18.07.16

E.A. Krasnova

IF-STATEMENTS: TRAGIC ELEMENT AND FORTITUDE IN “MOSCOW SAGA” BY V. AKSYONOV

This paper is concerned with textual functions of the subordinate conjunction ЕСЛИ (IF). The work has been done in keeping with anthropocentric paradigm. The above-mentioned conjunction is considered one of encoding and decoding means of artificial influence. The object of research is the trilogy “Moscow Saga” by V. Aksyonov, which is rich in conditional constructions. The narrative about ambiguous and quite often tragic period and ruined destinies of heroes is in organic match with the semantics of conditional conjunction IF as a signal of direct determination in the language. The article is based on the assumption that the conditional conjunction ЕСЛИ (IF) used by the author can be a significant detail; it is one of materialization means for the author’s ideas and a means of expressivity and of making an impression on the reader. The conditional conjunction becomes in Aksyonov’s “Saga” a marker of tragic situations, heroes’ difficulties in making a moral choice, and of their fortitude and moral victory. Conditional constructions play two main roles in the novel – a descriptive and an expressive one. The first of them shows significant elements of the time

and the characteristics of its representatives, and the second guarantees an expressive potential of the statements. Sentences of direct conditionality in the “Saga” increase the text potential of expressivity of linguistic means according to the author’s intentions and his desire to characterize the historic era. Further research on subordinate words could contribute to the development of a new area of linguistics – anthropocentric functional and communicative analysis of subordinate words from the point of view of the textual system.

Keywords: functional-pragmatic research, statements with the meaning of a condition, subordinate conditional conjunction ЕСЛИ (IF), textual functions of subordinate words, idiostyle by V. Aksyonov.

Краснова Елена Александровна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
инженерной педагогики и культуры
делового общения
Самарский государственный университет путей сообщения
443066, Россия, г. Самара, ул. Свободы, 2В
E-mail: eakrasnova@mail.ru

Krasnova E.A.,
Candidate of Philology, Associate Professor
at Department of engineering pedagogic
and culture of business relations
Samara State Transport University
Svobody st., 2V, Samara, Russia, 443066
e-mail: eakrasnova@mail.ru